

Вячеслав Дегтяренко

СЯВИНЫ СТРАХИ

Повесть

Вячеслав Дегтяренко
Сявины страхи. Повесть

«Издательские решения»

Дегтяренко В.

Сявины страхи. Повесть / В. Дегтяренко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850902-5

«Сявины страхи» — это история, в которой ощутимо присутствует время. Через Сяву, который любил животных, собирал значки, играл в шахматы, занимался спортом, ждал отца, боялся отчима, читатель проходит ключевые исторические события, которые завершали существование огромной страны, без которой Сява не стал бы тем, кто он есть сейчас. Страна умерла, а Сява остался. И написал повесть, которая вызовет лёгкую грусть у тех, кто любил эту страну со всеми её достоинствами и недостатками.

ISBN 978-5-44-850902-5

© Дегтяренко В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Страх первый	7
Тону!	8
Водитель	10
Спички	11
Самокат	13
Коллекционер	15
Коллекционер-2	17
Инга Хемишдомби Ципро	19
Луара	20
Аист	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сявины страхи

Повесть

Вячеслав Дегтяренко

Редактор Юрий Алексеевич Перминов

Корректор Юрий Алексеевич Перминов

© Вячеслав Дегтяренко, 2018

ISBN 978-5-4485-0902-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается моим детям:

Анастасии, Богдану, Тарасу, Таисии, Оресту, Олесии.

Предисловие

Герой этой повести – мальчик из райцентра. У него есть друзья: Пельмень, Толстый, Кузьма, Фигаро, которые называют его Сявой. Он увлекается шахматами и боксом, коллекционирует значки и некрологи из передовиц, возглавляет команду тимуровцев, ворует кирпичи на стройке и торгует абрикосами на рынке.

В семь лет у мальчика появляется отчим. Любит ли он его? Страх и любовь ему кажутся несовместимыми понятиями. Отчим стремится воспитать в пасынке человека, но тот всячески сопротивляется этому.

Их семья живёт в частном доме, мать работает продавцом, отчим на заводе. Родители разводят домашний скот, продают щенков немецкой овчарки и домашнее вино, приучая детей к труду и иной стороне жизни.

Исчезает Великая страна, оставляя в голове молодого человека, утопическое наследие, с которым Сява вступает во взрослую жизнь.

Выражаю особую благодарность Олегу Павлову – моему учителю и руководителю мастерской ВЛК Литературного института имени М. Горького, в стенах которого появились эти рассказы.

Страх первый

До определённого времени страхов не было. Лет до восьми, наверное. Регулярные носовые кровотечения его не пугали. Горячая солоноватая кровь наполняла рот, и он её проглатывал. Думал, что таким образом она попадает обратно в организм. Родителей это пугало и его дважды сдавали в больницу. Там было веселее, чем в детском саду на пятидневке, где за громкий голос воспитательница регулярно заклеивала рот лейкопластырем. В отделении у Славиных соседей были такие же повязки на носах, отчего дети были похожи на клоунов. Иногда бинты пропитывались кровью, что забавляло больных. Раз в неделю мама приносила вкусности: зефир, мармелад «лимонные дольки» или апельсины, которые моментально съедались всем отделением.

В шесть лет он стесал своё лицо об асфальт на самодельном мопеде. Его собрал десятилетний Колька, с которым они приятельствовали по улице. Лететь через руль было не страшно. Он очнулся на тёплой пыльной бетонке. Тёплая солоноватая кровь привычно заливала нос, глаза и попадала в рот. В травмпункте мальчику сделали шлем из бинтов. В зеркале он сравнивал себя со Щорсом. Родители не взяли его за земляничкой в лес, так как там были комары, «а они чувят свежую кровь» – говорила мама. Он обрадовался и лакомился ягодами уже дома.

В семь лет он с дворовыми ребятами играл в «войну» на стройке. «Тра-та-та, – кричал Слава, с автоматом наперевес, – бей фашистов... Аааа...» Перепрыгивая через ров, он упал в глубокий котлован и сломал правую руку. В первый класс мальчик пошёл в гипсе на руке и с повязкой на голове, и классный руководитель делал замечания, что «пишет, как курица лапой...»

В восемь лет ему разрешали пользоваться газовой плитой. Той ночью родители оставили его одного дома, наказав приготовить компот и сварить себе макароны на ужин. Была зима, и он грелся у газового котла на кухне. Уроки сделаны ещё в школе, и между делом Слава решил пофантазировать на бумаге. Только научился считать тысячами.

«1979 год», – написал он на листе из тетради в клеточку. – «Мне восемь лет. Умею варить компот и картошку, пасти свиней и коз, ездить под рамой на велосипеде...» Увлёкшись, он стал прибавлять по десять и мечтать, чем будет заниматься.

«Семьдесят лет...» Его дедушка с бабушкой умерли четыре года назад. Им было шестьдесят пять и шестьдесят. «Наверное, в 2041 году меня уже не будет и я больше не смогу посмотреть „В гостях у сказки“ и „Ну погоди“, покататься на самокате и поиграть в солдатики» – размышлял Слава. Слезы текли по его лицу, и ему было стыдно за них: «Хорошо, что не видит отчим...» Он думал, о том, что человеку отведено так мало времени. А столько хотелось бы успеть...

И ведь когда-нибудь наступит трёхтысячный год... Вспоминалась семейная фотография из фотоателье – улыбающаяся белокурая с бантами мама в костюме юнги-морячки с серьёзным дедушкой при галстукке и бабушкой с шиньоном на голове.

Внезапно в кухонной форточке показалась летучая мышь. Мама говорила, что они живут на чердаках, и он видел их только на картинках. Ему показалось, что она пытается залететь на кухню, махая цепкими крыльями. Её мохнатая мордочка напомнила чертёнка из мультфильма. Испугавшись ещё больше, он убежал в холодную детскую, где и заснул.

Тону!

Слава боялся плавать. С этим страхом он привык жить и во время отдыха плавал на надувном круге. Его мама так и не научилась плавать, и когда семья выезжала на озеро или речку, предпочитала загорать, накрыв голову книгой. В воду она обычно заходила лишь по пояс и слегка окуналась, тем самым была похожа на грудного ребенка. Он завидовал мускулистому отчиму, которой вырос на Каспийском море. Каждое лето, пока хватало терпения, он проводил для него короткие занятия.

Бывало, скажет: «Держись за мою спину, плыви со мной и работай ногами...» Когда же наступал черёд отпускать руки, страх парализовывал волю мальчика. Отчим, наверное, чувствовал это и нырял, думая таким образом избавиться от пасынка, но пальцы ребёнка цепко держались за его мускулистую шею.

И даже когда он выбросил Славу из лодки на озере, мальчик не поплыл. Он барахтался и кричал предательское «тону!», пугая отдыхающих на берегу. Водоём был десяти метров глубиной, и ему стало страшно.

– Слунтяй! Баба! – крикнул отчим обидные для мальчика слова, когда затаскивал его в лодку, – играй в свои шахматы и сиди на песке!

Слава читал книги по плаванию, имитировал движения руками на надувном круге, спрашивал у друзей, но так и не смог побороть свой страх.

Лето 1985-го года выдалось жарким. Семья на период отпуска разбила две палатки и полевую кухню в ивовых зарослях у Десны. Река довольно сильно обмелела, и на правом берегу образовался широкий белоснежный пляж. Мама загорала, читая газету, отчим ловил рыбу на спиннинг, младшие сёстры, подобно цыплятам, копошились в песке. Накупавшись, Слава занялся сбором дров для вечернего костра. На маленьком острове, к которому когда-то швартовался паром, лежало бревно, выброшенное туда весенним паводком. Он заметил его ещё по приезду, и всё ждал, когда сузится протока. В этот день расстояние до островка, как ему показалось – минимальное. Сообщив родителям о своём плане, он отправился вплавь за бревном.

Предстояло преодолеть всего семь-восемь метров. «Главное – доплыть туда, а обратно можно сплавиться на бревне и таким образом сразу попасть в лагерь», – размышлял Слава.

Он зашёл в воду по грудь и, оттолкнувшись от дна, поплыл. После двух-трёх гребков ему стало страшно, так как он не рассчитал силу и скорость течения. И вот теперь вода его закружила, как безвольную щепку и уносила от заветного островка. Рассказы дедушки о деснянских омутах и водоворотах он хорошо помнил и внезапно осознал, что попал в один из них.

«Бороться с ним бесполезно, и лучшее спасение – это достичь дна и затем оттолкнуться от него», – говорил дед. Глубина была не больше трёх метров. Он, задержав воздух, достал пятками песчаное дно и что было сил подпрыгнул. Но куда? Лишь очутившись на поверхности, он понял, что освободиться от этого плена не может. Вода кружила его в бешеном ритме и не хотела отпускать из своих цепких объятий.

«Тону! – крикнул Слава что было сил, – тону...» – повторил он, отхаркивая воду, и опять погрузился в мутную закручивающую пучину. Спасения не было. Ему казалось, что отчим не смотрел в его сторону и блеснил на спиннинг, а мама почему-то смеялась. А может, ему всё это лишь казалось?

«Я ведь не шучу! – хотел крикнуть он им, – Я тону по-настоящему!» Но сил не было, и он только откашливал противную жижу. Сознание погружалось в какой-то мрачный кошмар, от которого он не мог освободиться.

Внезапно сильная рука ухватила его за волосы и потащила в направлении берега. Спасателем оказался сосед по лагерю дядя Вася, который, слышав крики, бросил удочки и побежал на помощь. Уже оказавшись на берегу, мужчина спросил у него.

– Ты зачем поплыл на этот остров?

– За бревном... хотел стопить его на костре.

– Эх, дурак, дурак, мог ведь и сдохнуть. А бревно утопленное, и пользы от него для костра никакого. Тебе отец не говорил что ли?

– Нет, не говорил... Спасибо, дядь Вася...

Родители отнеслись к его спасению как-то буднично. Соседа угостили холодным самогонном и свежей ухой. Славе же было стыдно, что не справился с пустяковой задачей. Вечером он взял на буксир резиновой лодки бревно и приволок его в лагерь. Горела древесина плохо, как и говорил Василий.

В августе после деснянских каникул его впервые отправили по путёвке в летний пионерский лагерь на четвёртую смену. Он располагался в сосновом лесу, и вожатые водили детей на озеро. Славе было стыдно перед ровесниками, что в четырнадцать лет не умеет плавать. Он зашёл в воду и поплыл.

Водитель

Детские страхи кажутся смешными. Из некоторых вырастаешь, как из одежды, с иными соседствуешь или уживаешься. Как пишет психотерапевт Андрей Курпатов: «Чтобы побороть страх, пригласите его на разговор за чашечкой чая...» Каждый родитель строит своего ребёнка по своему подобию и идеалам. И даже при генном различии он считает, что фенотип можно сконструировать. Силой, словом, убеждением или собственным примером.

Отчим считал, что Слава должен уметь хорошо драться, любить рыбалку и водить автомобиль. Навыки борьбы было несложно усвоить. На рыбалке мальчик научился притворяться. Сидение с удочкой, спиннингом, забрасывание сетей или удар дедовским гарпуном. «Вода успокаивает!» – говорил отчим. «Аквариум успокаивает...» – повторял он, когда приходил в детскую и часами наблюдал за аквариумом. Славе было непонятно: «Что вызывает беспокойство у отчима? Работа на заводе, отношения с мамой? Как и вообще, что значит само слово?» Он считал рыбалку бессмысленным занятием. Не потому, что не любил рыбу. Гораздо интереснее провести время за книгой или фильмом, шахматной партией или с друзьями. Молчаливое наблюдение за водой так и не прижилось, как и вождение.

Во втором случае притворяться было невозможно. Мопед «Карпаты», мотоцикл «Ява», автомобиль «Москвич 412». Его одноклассники мечтали о чехословацком мотоцикле. Тёмно-вишнёвой расцветки, обтекаемые формы, безотказная работа двигателя, чёрные кожаные куртки и ветер в лицо. Иногда его сажали на бак и предлагали рулить, а когда стал постарше, доверили полное управление. Это было в берёзовой роще Броварского леса. Мотоцикл, врезавшись в дерево, заглох, его пассажиры мягко приземлились в серый песок. Отчим с крепкими выражениями погнался за пасынком, чтобы ударить. Не догнал. Больше за руль мотоцикла его не приглашали.

Через год повторился эксперимент с автомобилем. Они возвращались из областного центра Западной Украины – города Ужгород, где купили породистую овчарку и проезжали Карпаты.

– Ты о какой машине мечтаешь, Слава? – спросил отчим, закуривая сигарету.

– Я? – задумался на минуту мальчик. Ему вспомнилась коллекция значков, недавно купленная в отделе «Канцтовары». Бугатти, Паккард, Бьюик. Машины, о которых он читал в журналах «Наука и жизнь». Они манили своими формами, мощностью и уникальностью. Набравшись смелости, он ответил:

– Мне всё равно, какая будет у меня машина, главное, чтобы с водителем, – выпалил он тихой скороговоркой и посмотрел на недоброе лицо отчима, блеснувшее недобрыми карими глазами.

Шоссе петляло змейкой среди густых высоких елей. Вечерело. Стрелка спидометра перевалила за отметку сто.

– Я перекушу на ходу, а ты держи руль... – сказал он.

– Может, остановимся?

– Не будь бабой! – отрезал отчим и открыл консервированную гречку с мясом. Слава, сидя на пассажирском сидении, левой рукой управлял автомобилем. Временами автомобиль пересекал сплошную разделительную линию, и злобные комментарии сыпались в его сторону: «Бери правее, я сказал... откуда у тебя руки растут?» Внутри от страха всё сжималось и переворачивалось. Хорошо, что встречная полоса была свободной. Отчиму было интересно наблюдать за побелевшим и взмокшим от напряжения пасынком, и он ел не спеша. Лишь когда закончил ужин, он отпустил газ и нажал на педаль тормоза, чтобы помыть руки и вытереть смолистые усы.

Спички

Лёня и Слава познакомились на деревенской свадьбе. Это был его первый друг. На голову выше, в полтора раза шире, с толстыми губами из-за чего улица дала ему кличку Пельмень. Уже в семь лет новый друг превосходил его по силе, весу и знаниям дворовой жизни.

Славина мать сдавала сад в аренду молодожёнам. Калымщики устанавливали шатёр из плёнки, рубили лавки для гостей, приглашённые бабки варили праздничные обеды, остатки которых доставались детворе. Приходило человек сто или двести, которые два-три дня пили и танцевали, вытапывали огород. На всю улицу играл ансамбль, а дети были предоставлены сами себе. На одной из таких свадеб мальчишки и познакомились, и стали закадычными друзьями.

– Сява, давай покурим, пока твоих предков нет, – предложил Лёня в один из выходных дней.

– Давай! Только я не умею. Научишь?

– Конечно.

– А что курить будем? Отчим сигареты считает.

– Будем курить спичками... Я недавно пробовал... Нам надо двадцать-тридцать коробков.

Коробок спичек стоил одну копейку, как и стакан газированной воды без сиропа из автомата. В копилке Славы – картонной коробке из-под сигарет – хранилось два рубля, которые он сэкономил на школьных обедах. Продавщица магазина – тётя Катя – хорошо знала его мать. Не раз она продавала ему то сигареты, то водку с пивом для отчима, то доставала из-под прилавка «Фанту» и «Пепси-колу». Вот и сегодня она вопросов не задавала, несмотря на горящие глаза семилетних мальчишек. Местом для курения дети выбрали самую большую комнату в доме – гостиную.

– Смотри и запоминай – друг мастерски поджёт все спички в коробке, и когда все они загорелись, моментально закрыл его, – а теперь слегка приоткрываешь и втягиваешь дым ртом.

Боясь пропустить хоть малейшую деталь, Слава внимательно смотрел на его затяжки, выпускание колец дыма. Задумчивым выражением лица Лёня напоминал древнего алхимика, о которых Слава узнал в библиотеке. После уроков с правописанием премудрости друга казались фантастикой. Он хвалился, что пробовал краску, бензин, но от них его тошнило и болела голова.

– А что я должен почувствовать? – откашлявшись, спросил он у Лёни.

– Сява... это, как мультик классный посмотреть, только не по телеку.

– У меня не получается... Кашляю, да и во рту пересохло.

– Смотри на меня и повторяй... Салага.

За окном послышался скрип от открывающейся металлической калитки. Через окно дети увидели Славиных родителей.

– Шухер, атас! Отчим пришёл! Давай спички прятать!

– Куда? На кухню?

– На кухню не успеем. Давай под кресло.

Лёня прошмыгнул на улицу через окно гостиной, а Слава остался проветривать комнату.

– Чем это у нас в доме пахнет? – нахмутив брови, спросил отчим. Его глаза, выглядывающие из-под чёрных ресниц, не предвещали ничего хорошего.

– Мы с Лёней картошку варили, да забыли про неё. Вот она и сгорела! – оправдывался пасынок.

Это действительно было так. Увлёкшись спичками, они забыли о плите.

– Картошку, говоришь! Ты мне правду говори... хуже будет! Почему у тебя чёлка подпаленная? Тоже из-за картошки? И в зале чем пахнет?

Слава наблюдал его раскрасневшееся лицо, игру желваков на щеках, дёргающийся кадык, и ему стало страшно.

– Лёня учил, курить спичками! – сказал Слава и отодвинул кресло, за которым дымилось два десятка спичечных коробков.

– Неси ремень!

– Твой или дедовский?

– Армейский... ты сегодня заслужил пять ударов бляхой.

Со слезами он ушёл за дедовским ремнём. Казалось, что пол уходит у него из-под ног. Хотелось бежать, кричать и плакать от несправедливости. Отчим был на четырнадцать лет старше Славы, имел КМС по вольной борьбе, и удары ремнём наносил мастерски. «Уж лучше в угол, голыми коленями стоять на соли или горохе, чем ремень, после которого больно дышать, – так как отчим предпочитал бить его по спине... – я готов был ночь провести в погребе, месяц без телевизора и друзей, но только не ремень...» – думал мальчик, но вслух ничего не сказал. Хотелось убежать, исчезнуть, надеть шапку-невидимку, но только избежать наказания.

Слава почти никогда не называл его папой и чаще обращался к нему неопределённо.

– Папочка, – прокричал он на третьем ударе, – мне больно, пожалуйста, не бей, меня! Милый папочка, я больше никогда не буду курить, честное пионерское!

– Вова, не надо, убьёшь! – пыталась заступиться со слезами мама.

– Не мешай! Посмотри, кого ты вырастила?! Пусть засунет своё пионерское в свою жопу, раз не научился думать... Ира, уйди отсюда, а то и тебе достанется.

Славина голова была зажата между его коленями, руками он пытался освободиться, но безуспешно. На пятом ударе ему показалось, что он потерял сознание, и лишь ведро с холодной водой привело его в чувство.

– А теперь марш в погреб без света, к крысам, на два часа...! Неделю живёшь без телевизора, месяц без друзей...

Самокат

С семи лет Слава мечтал о самокате. Заходил в «Спорттовары» и подолгу приглядывался к нему. Зелёная рама, настоящие надувные колёса, багажник на заднем колесе, две фары, звуковой сигнал, ножной и ручной тормоз. Иногда, по пути со школы он заходил в магазин на улице 50 лет ВЛКСМ. Незаметно для продавцов, прикасался к сверкающей эмали, нажимал на ручной тормоз и наслаждался запахом новеньких резиновых колёс. Родителям он говорить боялся, так как отчим твердил, что они плохо живут, а мама брала в долг продукты из своего магазина.

«Когда-нибудь я накоплю... А пока буду кататься на трёхколёсном или на материнском под рамой» – мечтал мальчик.

На десятилетие ему подарили фотоаппарат Смена-8М. Два месяца увлечения – и игрушка осталась пылиться на полке. Реактивы, фотобумага, фотоувеличитель в комплект не входили, а две фотопленки быстро израсходовались. И он продолжал мечтать. «Если что-то очень хочешь, то это происходит» – фраза, которую он помнил из детского фильма.

Через два месяца после дня рождения к нему приехал отец. Мать развелась с ним, когда Славе было три года. Папа рассказал, что ударил её, когда она неряшливо вылила кипяток на ногу двухлетнему сыну. У него было два высших образования, вторая семья, ещё один сын и работал он мастером-инженером на заводе. Они редко виделись, так как в Киев Славу не пускали. Сегодня отец надел клетчатый югославский костюм и белую рубашку с галстуком и был так не похож на отчима, который считал этот атрибут удавкой и пережитком «вшивой интеллигенции».

– Мы пойдём, погуляем, ма?

– Можете катиться на все четыре стороны! – любя сказала мама, – только недолго... не зли его.

Это была их первая совместная сознательная прогулка. Кафе, мороженое, газировка с сиропом, сладкая вата на палочке.

– Про що ти мрієшь, синку? – спросил он на украинском, когда они зашли в магазин «Спорттовары».

– Я коплю деньги на самокат... Вон, видишь, на второй полке?

– І скільки він коштує?

– Двадцять два рубля пятьдесят копеек... Я уже накопил четыре шестьдесят пять.

Отец немного подумал и предложил:

– Давай я трохи добавлю, це і буде мій подарунок тобі на день народження?

Сердце мальчика готово было выпрыгнуть. Мороженое забыто. Чуть ли не бегом они вернулись домой. Слава вытряхнул из сигаретного коробка-копилки свои пятнашки и двадцатки, а также два металлических рубля, которые накалядовал зимой, и они вернулись в магазин. «Только бы никто не купил его, только бы остался» – приговаривал про себя мальчик.

Дрожащими руками он доставал самокат из картонной коробки, носовым платком обтирал промасленную раму, пока папа накачивал колёса. Это было чудо, настоящее чудо, наверное, самое большое за прожитую жизнь!

Оставив отчима с отцом отмечать его день рождения, Слава накатывал километры по близлежащим улицам и хвастался перед уличными ребятами, забыв обо всём на свете.

– Слава, иди домой! – прокричала через калитку мама.

– Мама, я ещё чуть-чуть...

– Слава, пора ужинать... Иван уезжает.

Что-то грустное было в её голосе. Когда сын увидел папу, слёзы брызнули сами собой. Следы запёкшейся крови под носом, разбитые очки. Он понял, чьих рук это дело. Отчим превосходил отца по силе и был на двенадцать лет моложе.

– Вибач мене, синок, я більше не прийду до тебе... – поцеловал его на прощание отец. За этой сценой наблюдал отчим. Славе было стыдно признаться в своих чувствах, и он боялся человека, с которым предстояло жить. Отец уехал, и мальчику показалось, что увёз с собой его радость, свободу и смех.

– Не нужны нам подарки этого чучела! Ты меня слышишь? Продадим щенков, купим тебе самокат. А этот драндулет сломай и выбрось на помойку.

– Я не могу... Не надо! – закричал Слава.

– Зато я могу!

Отчим взял монтировку и с размаху нанёс удар по металлической раме. Мальчику показалось, что он услышал, как самокат застонал. Хотелось защитить его, но отчим оттолкнул Славу.

– Тебе что, непонятно? Что ты хнычешь? Баба! Хочешь быть похожим на этого киевского пижона?

– Не надо, я прошу тебя. Я сделаю всё, что ты захочешь. Я буду кирпичи со стройки носить, свиньям крапиву в лесу рвать, посуду мыть... не надо!

– Ты и так это будешь делать! Отойди или перешибу!

Он был пьян, и в эти минуты от него можно было ожидать любого поступка. Отчим ушёл в гараж, а Слава попытался выпрямить раму.

– Салага, тебе только шахматные фигуры переставлять... Пошёл прочь, нюня... Не надо нам вшивых подарков.

Он вернулся с канистрой, облил самокат бензином и поджёг. Самокат вспыхнул как свечка, и надежды мальчика его починить рухнули окончательно. Слава не мог плакать, но внутри его маленького сердца водопады слёз обрушивались и обрушивались, пока он смотрел, как горит его мечта.

С отцом они увиделись лишь спустя шесть лет. Его подарок мальчик спрятал в маленьком заброшенном сарае. Когда отчим уходил на работу, он доставал из-под дров обожжённый скелет самоката и представлял, как рассекает на нём по улице.

Коллекционер

Славе нравилось коллекционировать. Вначале это были фантики от конфет. Потом их место заняли значки, которые он вывешивал на прикроватный коврик и перед сном любовался наполняющейся коллекцией. Деньги на значки экономились на обедах, либо «калядовались», «засевались».

В каждом магазине «Канцтовары» и киосках «Союзпечать» были отделы значков и почтовых марок. Предметы вожделения располагались по секциям и коллекциям. 1980-й год оставил яркий след в памяти советского школьника. Олимпийские значки выпускали ещё пять лет, и он их ценил выше всего, так как казалось, что больше такого праздника не будет. Второе место занимали значки с портретами вождя. Он не знал, почему. Может быть, потому, что учителя обещали, что скоро наступит коммунизм и всё будет бесплатно. «От каждого по способностям – каждому по потребностям!» – лозунг коммунизма. Мальчик ждал этого, так как можно будет не думать о том, как накопить деньги на значки, самокат или спортивный костюм. Работай – и всё будет. Поэтому к Ленину он относился с особым пиететом.

И когда в продаже появилась новая коллекция из четырнадцати значков, выполненная на бронзовой основе и с зеркальным переливающимся вождём, понял, что она должна быть у него. Смущала цена – двадцать семь рублей. Поштучно не продавали. Что же делать?

На новогодние праздники он назасевал и накалядовал почти двенадцать рублей. Но где взять ещё пятнадцать? Что такое засевать и калядовать в советские времена?

Калядки. Прежде чем начать калядовать, надо постучать в дверь и спросить у хозяев: «Калядовать можно?» При их согласии калядовал на украинском. Родного языка он стеснялся и использовал его лишь на уроках литературы, да на новогодние праздники. Большинство в городе разговаривали на русском.

«Щедрик-ведрик, дайте, вареник». Или «Каляд-каляд-калядин, я у мамки не один. Дайте, дядько (тьотко) золотий. Золотого, як нема, дайте дядько (тьотко) пятачка!»

Но ещё больше денег можно было заработать на засевании. Праздник, связанный со старым новым годом. Прабабушка Харитина научила Славу староукраинской песенке, которую он распевал, посыпая полы хозяев крупой: пшеном, ячкой, овсом, перловкой.

*«А в поле, в поле, сам плужок ходив,
А за тим плужком сам господь ходив,
Дива Марія йисти носила, йисти носила, бога просила:
Ой роди, Боже, жито-пшеницю, жито-пшеницю, всяку пшеницю!
Здравствуйте, з празничком, з Новим роком, будьте здорови!»*

Кто угощал конфетами, кто фруктами, но чаще монетками или рублём.

И вот, заработанные таким образом деньги он мечтал потратить на коллекцию значков с Лениным. Но не хватало. Приближался день рождения.

– Славик, что тебе подарить на день рождения? – поинтересовался дедушка.

– Дедушка, ты же знаешь, как мне нравятся твои шахматы.

В двенадцать лет внук приблизился к рубежу КМС (кандидат в мастера спорта) и они с удовольствием играли фарфоровыми фигурками. Бабушка и дедушка жили в квартире, в двух кварталах от них. Это были родители отчима, но у него других не было, и он считал их своими родными.

– Они же дорогие, Слава! – сказал дед.

– Я знаю, дедушка... Они стоят пятьдесят рублей. У меня есть двенадцать. Вы с бабушкой, да мама с папой добавьте мне, вот я и куплю. Обещаю, что к лету КМС выполню.

– Раз обещаешь... – на, держи! – и дед достал из серванта две красные десятирублёвки.

Шахматы и значки продавались в одном отделе новенького магазина «Орбита». Зажав в руках пятьдесят рублей, Слава пребывал в нерешительности. Перетрогав ленинские значки, шахматные фигурки, шахматные доски с фигурками и произведя расчёты, он, в конце концов, совершил покупку.

– Мне, пожалуйста, коллекцию юбилейного Ленина и шахматы за двадцать два рубля! – попросил он продавца.

Это были, конечно, не дедовские шахматы. И фигурки поменьше, и доска не деревянная, и качество среднее.

– Эх, Слава, Слава! – сказал дед, когда внук пришёл домой и развернул свою покупку, – что с тебя взять? Дитё ты ещё...

– Зато эти на магнитной основе и их можно в дорогу брать! – сказал в своё оправдание мальчик.

Коллекционер-2

Коллекционировать мальчик начал с семи лет. Фантики от конфет, игрушечные солдатики, открытки, значки, иностранные монеты и банкноты, журналы «Наука и жизнь», школьные дневники, макеты самолётов, этикетки с бутылок от напитков, словари-справочники. Среди одноклассников он был первый меняла, так как всегда мог предложить что-то для замены. Его коллекции хранились в специальных отсеках письменного стола, комода, на серванте и на книжных полках.

В одиннадцать лет отец подарил ему красивую жёлтую папку, завязывающуюся на тесёмочки, которую он решил приспособить под коллекцию вырезок из газет. Родители выписывали семь газет и шесть журналов.

В ноябре 1982 года ушёл из жизни генеральный секретарь КПСС – Леонид Ильич Брежнев. В понимании мира мальчика он ассоциировался с Лениным. Портреты вождей украшали каждый учебный класс, каждый кабинет. Их слова цитировали учителя, а «Поднятая целина» была в каждой семейной библиотеке, как и тома Ленина. В своих заветах Леонид Ильич обещал скорый приход коммунизма. Слава ждал этого и в фантазиях представлял, как он будет пользоваться благами новой формации.

С уходом генерального секретаря их город погрузился в траур. Это было похоже на то, что в доме отключили электричество и приходится пользоваться лучиной из ваты и подсолнечного масла. Печальные лица родителей, учителей, продавцов. В кинотеатрах отменили показ фильмов. Пять телевизионных каналов были заполнены классической музыкой и балетом.

«Может быть, Леонид Ильич любил балет и музыку?» – думал Слава. Повсеместные флаги и портреты с чёрными лентами вызывали тоску. Занятия в школе проходили в непривычном режиме: чтение некрологов из газет чередовалось цитатами из книг Брежнева. На входе в кафе висели таблички «санитарный день», «переучёт» или «закрыто» без объяснения причин. Если бы не коллекции, которые можно разглядывать, и не шахматные комбинации, было бы совсем скучно. Нет ни «В гостях у сказки», ни «Катрусиного кинозала», ни «Спокойной ночи малыши».

Когда Слава открыл почтовый ящик, из него высыпались газеты: «Комсомольская правда», «Правда Украины», «Аргументы и факты», «Нове життя», «Пионерская правда», «Труд», «Известия». Все передовицы содержали однотипные некрологи. Родители их читать не стали. Спросив разрешения, он вырезал некрологи и поместил в пустующую папку. Зачем, он так и не понял.

На место Леонида Ильича пришёл новый генеральный секретарь. Жизнь в стране заметно изменилась. Классный руководитель неоднократно предупреждал, что прогулы будут наказываться, чуть ли не отчислением из школы. Теперь прогульщиков будут ловить дружинники, которых трудно различить, так как некоторые из них не носили нарукавных повязок. Слава никогда не прогуливал уроки, но страх быть пойманным не покидал его. Родители рассказывали о том, как их друзей, стоявших в очереди за дефицитными чешскими сапогами, дружинники доставили в милицию и потом на работе их разбирали на партсобрании. В городском кинотеатре, в очереди за «Докторской» или «Ивасями» – везде были вездесущие дружинники-контролёры.

Но так продолжалось недолго. Через полтора года коллекция пополнилась новыми некрологами. Что-то мистическое было в этой жёлтой папке от отца. С другой стороны – появилась возможность пополнить её и совершенно бесплатно. Не надо ничего покупать или обменивать. В жизни и школе всё повторилось по прежнему сценарию. Как будто и не убирали двухметровые портреты да стяги с чёрными ленточками. Траурное фортепиано, балет, ленты. И через год всё повторилось опять.

Слава задавал себе вопрос: «Куда девается такое количество портретов? Неужели сжигаются или уходят на макулатуру?»

Новый генеральный секретарь с родимым пятном на лбу родителям не нравился. Его «сухой закон» заставил их развивать подпольное ремесло на дому. Славе же было стыдно за запах, который пропитывал одежду и который чувствовался уже в саду. Поэтому он не приглашал к себе друзей, а когда происходил сам процесс дистилляции, отчим выпускал во двор овчарок, якобы порезвиться.

Молодой генеральный секретарь вызывал симпатию необычным говором, новыми телепередачами. Чумак, Кашпировский, телесериалы, телевикторины, программа «Взгляд» будоражили телеканалы советского телевидения.

Вскоре состоялся XXVII съезд КПСС, которому предшествовал республиканский съезд Украины. По этому случаю в Киеве продавали бананы с апельсинами, но километровые очереди сметали всё. Слава ходил по городу в поисках дефицита, но купил себе лишь спортивные кроссовки фабрики «Киев-Спорт» да пять бутылок Соса-Сола. Друзья говорили, что их родители привезли из Москвы настоящий «Адидас» и живые ананасы.

Он подумал-подумал и решил, что смертей больше не будет, и пополнил свою папку вырезками о съезде. Понять решения и программу партии ему было сложно. «Перестройка, сухой закон, ускорение» – слова, которые родились в это время и долгое время заполняли телеэфир.

Инга Хемишдомби Ципро

Её отца звали Ципро. Он был из Германии и в 1987 году завоевал титул чемпиона Мира. Каким-то образом судьба его забросила в Венгрию.

Ей было полтора года, когда она появилась в семье. Мощная широкая грудь, красивая поступь и типичный чепрачный окрас. Они проехали 1700 км на «Москвиче», чтобы через начальника Ужгородского ОБИРа встретиться с заезжим венгром и купить её.

Слава удивлялся стоимости – две тысячи рублей! Можно было купить «Запорожец». Отчим с гордостью раскрывал её родословную на латинице и с печатью в виде венгерского триколора, показывал фото отца в немецком журнале и мечтательно закрывал глаза. Даже на рыбалке пасынок не видел у него на лице такого блаженства.

Её поселили в новенький вольер и кормили вырезкой. Отчим, как бывший мясник, знал толк в мясе и лично контролировал его покупку.

Славе же импонировала Лура. Её полная кличка Д Луара из Берестя. Её привезли из Польши. Она была более жилистой, менее чепрачной, чуть выше в холке, но умной, сильной и преданной. Временами ему казалось, что она понимает и отгадывает мысли. Без страха бросалась на сенбернара, валила с ног инструктора на ЗКС, перепрыгивала забор, запряжённая в санки перевозила детей. С ней он чувствовал себя в безопасности. Но в ринге она была в середине и приносила лишь «серебро» или «очхор». Лура служила семье шестой год, но кормили её лишь требухой, мойвой да перловкой. Почему такая несправедливость? Неужели из-за разницы в цене?

Инга принесла пять щенков и окупила себя. В суточном ринге собака вошла в пятёрку лучших на чемпионате СССР в Днепропетровске, тогда как Лура была в пятом десятке. Но ни в ЗКС, ни в ОКД она не выступала. Увы, природа, наделив её красотой, позабыла обо всём остальном. Отчим пытался обучать Ингу. Для неё так и остались пустым звуком команды «фас, апорт, барьер, голос...»

Вернувшись из школы, мальчик обнаружил мамину записку. «Слава, разогрей еду и накорми собак». Наигравшись с Лурой в снегу, он вошёл в вольер к Инге. Её грустные глаза, казалось, ревновали его к соседке. А может, она завидовала их дружбе? Он попытался приласкать её и почесать за ухом. Испугавшись, она прошмыгнула между ног и выбежала из вольера.

– Инга, ко мне! Стоять!

Увы, его слова остались не услышанными. С ужасом он вспомнил, что не запер калитку. Собака почуяла страх и устремила к ней. Автомобилисты, завидев бегущих, притормаживали. Слава нёсся что было сил, так как понимал, что пощады ему не будет.

– Инга, милая, ко мне, стоять, стоять, родная. Ну, пожалей ты меня. Мне ведь голову снесут.

Но она не хотела и слушать.

– Куда же ты, дурочка, бежишь? – кричал он ей. – Может, она бежала на запах отчима, направляясь к заводу?

Через четыре километра собака забежала в подворотню, которая оказалась капканом. А может, она попросту устала и сдалась? Он загнал её в угол, повалил на снег, обмотал вокруг шеи мохеровым шарфом и привёл домой. Ему показалось, что она плакала по пути. Но от чего? Не понятно.

Вскоре её украли. Слава всё думал, как можно украсть немецкую овчарку? А затем из дома пропала и её родословная.

Луара

– Знакомьтесь, это Луара-из-Берестя! – сказал отчим, – я её купил у поляков в Бресте, – но мы её будем называть Лура. Кто хочет напоить её молоком? – обратился он к детям.

– Я! – сказал Слава и взял у него стеклянную бутылочку с резиновой соской, которая осталась от младшей сестры.

Щенок с благодарностью смотрел в глаза мальчика и с жадностью лакал тёплое молоко, которое быстро закончилась, и он, заскулив, попросил добавки.

– Хватит! Собака должна быть всегда чуточку голодной.

– Почему? – спросил Слава.

– Голод способствует лучшей дрессировке... Ира, постели Луре в нашей спальне. Холодно ей на улице будет, – сказал он жене.

Щенок быстро рос. Отчим увлёкся дрессировкой и приносил ему с работы лучшие кусочки вырезки. В год она безупречно выполняла все команды, преодолевала двухметровый барьер, останавливала преступника с пистолетом и имела отличные медали по курсу ЗКС и ОКД. Но в ринге дальше очхор не поднималась. Это коробило отчима, и он купил себе вторую собаку.

– Это Инка. Её дед Хемишдомби Ципро – чемпион Мира! – с гордостью рассказывал он. Родителям пришлось влезть в долги, и отчим даже продал свою «Яву», чтобы собрать на покупку.

Инка не нравилась мальчику. Она была красивая, но дрессировке поддавалась слабо. Хотя в городском ринге всегда светила на первых позициях. Отчим гордился новой собакой и, напившись, хвастался перед друзьями силами немецкого инбридинга и именитой родословной на венгерском языке.

– Слава, через год я хочу показать наших сук на Союзе в Днепре! – сказал отчим Славе, – и мне нужна твоя помощь. Там будет суточный ринг. Я возьму на себя Инку, а тебе дам Лурку! Ты должен хорошо подготовиться и наших собак. Поможешь?

– Конечно, батя!

Мальчик был рад. В шестнадцать лет выступать на Чемпионате СССР! Это ко многому обязывало. Он стал регулярно ходить на стадион и брать собак на пробежки в лес. Там он познакомился с тренером по лёгкой атлетике и передавал новые знания своим подопечным.

На Союзе Инка получила золотую медаль, а Луре опять достался очхор. Слава недоумевал. Почему такая несправедливость, ведь она лучше бегала.

– Экстерьер! – ответил отчим на немой вопрос пасынка, – подрастёшь – всё поймёшь.

Вскоре Инка пропала, а вслед за ней из серванта исчезла её родословная. Мальчику сказали, что собаку украли цыгане. «Странно, как можно украсть немецкую овчарку из вольера?» – размышлял он.

Тем временем Славу на два года забрали в армию. Его мать писала, что отчим с горя пьёт. После очередного скандала она подала на развод, и он съехал из дедовского дома на квартиру к своим родителям.

– А что стало с Лурой? – спросил он в своем письме.

– Лурку он сдал на охрану яблоневого сада, что на Порошинке. Она несколько суток напролёт выла и никого к себе не подпускала, – ответила мама, – затем кто-то кинул ей мяса с толчёным стеклом и она умерла...

Примечания:

ЗКС – защитно-караульная служба

ОКД – общий курс дрессировки
Очхор – очень хорошо

Аист

Пока не взорвался Чернобыль, каждое лето семья Славы отдыхала на правом берегу реки Десна, у деревни Пуховка. Три месяца палаточной жизни пролетали в рыбалках, кострах, купании и сборе ягод. Когда наступала пора идти в школу, то к одежде и обуви Слава испытывал лёгкую неприязнь, так как за это время успевал отвыкнуть от них.

В конце августа, погрузив весь палаточный скарб, они возвращались домой на легко-втушке. Между деревнями простирались хлебные поля да встречались редкие лесопосадки. Внезапно дорогу перебежал подпрыгивающий аист. Скрипнули тормоза жёлтого «Москвича». Все пассажиры испугались, что могли сбить птицу. Но, похоже, что напрасно. Аист остановился метрах в десяти и наблюдал за ними.

– Поехали, Вова! Мне ещё надо вещи разбирать, а вечером смену принимать, – сказала мама.

– Не торопись, Ир. Надо разобраться... что-то тут не так.

Отчим вышел из машины и без труда поймал крупную птицу. Казалось, что она и не сопротивлялась.

– Крыло перебито, рана серьёзная, надо его ветеринару показать. Наверное, кто-то из охотников баловался.

Слава взял аиста на колени. Казалось, что он даже слышал, как часто бьётся его сердечко. Аист тревожно рассматривал салон. Вспомнилось, как этой зимой отчим расстреливал голубей из воздушного ружья, спрятавшись на кухне, а потом готовил их на мангале. Но то были голуби, как отчим приговаривал – «сорные птицы».

Ветеринар сказал, что у аиста огнестрельный перелом костей крыла, и что летать он больше не сможет. Он обработал рану и отдал его со словами: «Бросьте его где-нибудь! На кой он вам сдался?»

– Оставим его себе? Я буду ухаживать за ним! – попросил пасынок у отчима.

– Если обещаешь, то бери... он твой.

Слава обрадовался новому другу. В то время у него было три аквариума, если не считать прочей домашней живности: собак, кошек, нутрий, свиней, коз и кур. Но аист – это было что-то особенное и благородное.

До наступления холодов аист жил в вольере для кур. Ему готовили кашу и давали кусочки рыбы. Вначале он стеснялся и не подходил к общей кормушке, не дрался с курами за вкусности. На их фоне он выглядел таким интеллигентом. Освоившись, он гонял кур своим красным клювом, который выводил немислимые трели, напоминающие деревянную трещотку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.